

ПРИБАВЛЕНІЯ

къ

ДУХОВНОМУ ВѢСТНИКУ

ГРУЗИНСКАГО ЭКЗАРХАТА.

15-го іюля

№ 14-й.

1892 года.

ПОУЧЕНІЕ

предъ совершеніемъ молебнаго пѣнія Господу Богу по случаю
появленія холеры.

*Согрѣшихомъ и беззаконновахомъ,
и сего ради праведный твой гнѣвъ
постиже насъ, Господи Боже
нашъ, и спѣнь смертная обыде
насъ... Но къ тебѣ Богу нашему
въ болѣзни нашей умильно во-
ніемъ: пощади, пощади люди твоя
и не погуби до конца (Молебн.
пнн. во время губит. зловѣтрія
прош. на сугуб. эктении).*

Въ настоящій разъ мы, православные слушатели, собрались въ св. храмѣ съ особенною, нарочитою цѣлію, именно: принести Господу Богу покаянное моленіе по случаю уже открывшагося въ нашемъ градѣ страшнаго бѣдствія — холеры. Это бѣдствіе уже не первый разъ постигаетъ наше отечество, и въ настоящее время уже болѣе или менѣе извѣстны, какъ характеръ этой страшной болѣзни, такъ равно и средства противъ нея. Поэтому-то теперь уже раньше, чѣмъ появилась холера, начали предприниматься различныя предохранительныя мѣры противъ нея.

Конечно, это дѣло весьма полезное, благоразумное и необходимое. Но, братіе, мы не можемъ и не должны останавливаться только

на этихъ внѣшнихъ, предохранительныхъ мѣрахъ, равно какъ не должны искать причины появленія этого страшнаго бѣдствія въ однихъ только внѣшнихъ, естественныхъ условіяхъ. Нѣтъ, причина появленія этого страшнаго бѣдствія коренится гораздо глубже—въ насъ самихъ, въ нашихъ грѣхахъ. Поэтому-то, соблюдая, конечно, всѣ предписываемыя мѣры предосторожности противъ страшной болѣзни, мы главнымъ образомъ и наиболѣе всего должны при настоящемъ бѣдствіи прибѣгать къ Господу Богу съ молитвеннымъ воплемъ: *пощади люди твоя и не погуби до конца*. И чтобы наша молитва къ Господу Богу при наступившемъ бѣдствіи была искреннѣе, сильнѣе, а потому плодотворнѣе, поразмыслимъ, православные слушатели, о томъ, что означаютъ вообще всѣ, постигающія насъ, несчастія, и въ особенности, какое значеніе имѣеть настоящее, постигшее насъ, страшное бѣдствіе?

Частныя несчастія, постигающія одного человѣка, или извѣстное семейство, посылаются, или попускаются отъ Бога иногда для испытанія ихъ преданности къ Нему, иногда же вообще для того, чтобы еще болѣе укрѣпить и возвысить ихъ благочестіе. Такъ нѣкогда весьма тяжело и долго страдали св. праведники: цѣломудренный Иосифъ, Даніилъ, Іовъ и христіане первенствующей Церкви. Иныхъ благочестивыхъ людей Богъ подвергалъ и подвергаетъ даже смерти съ тою цѣлю, чтобы освободить ихъ отъ опасности развращенія и переселить ихъ въ жизнь лучшую и безопаснѣйшую, какъ свидѣтельствуешь объ этомъ Самъ Богъ, говоря устами Премудраго о смерти юнаго праведника: *благоугоденъ Богови бывъ восхищенъ бытъ, да не злоба измѣнитъ разумъ его, или леть прельститъ душу его* (Премудр. Солом. 4, 10—11).

Но когда подвергаются какому либо несчастію цѣлыя селенія, города, области и въ особенности цѣлое государство, тогда трудно думать, что эти несчастія посылаются Богомъ съ цѣлю только испытанія нашей преданности Богу, съ цѣлю укрѣпленія и усовершенствованія нашего благочестія, — для каковой цѣли Богъ попускалъ терпѣть несчастія праведнымъ Иосифу, Іову, Давиду, пророкамъ и другимъ святымъ людямъ. Трудно и невозможно для насъ такъ думать, когда мы сколько-нибудь внимательно посмотримъ на самихъ себя; вѣдь не можемъ-же мы сказать про себя, что мы такъ же праведны, какъ Іовъ, такъ же привержены къ Богу и святому закону Его,

какъ Іосифъ, Даніиль, пророки и первенствующіе христіане. Наоборотъ, къ своему глубокому прискорбію мы не можемъ не замѣтить того печальнаго явленія, что любовь къ Богу среди весьма многихъ изъ насъ охладѣваетъ, и вмѣсто нея руководящимъ началомъ въ нашей жизни является самолюбіе, что любовь къ ближнему также все уменьшается и на мѣсто ея господствуетъ своекорыстіе, что повиновеніе начальству не всегда бываетъ искреннее и полное, и нерѣдко проявляется своеволіе, и что, наконецъ, наша любовь и приверженность къ Св. Церкви—матери нашей все болѣе и болѣе ослабѣваетъ, такъ что многіе вмѣсто истинной Церкви стремятся создать свою церковь, потворствующую ихъ страстямъ. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ мы, братіе, не иначе можемъ и должны думать о постигающемъ насъ бѣдствіи, какъ о *гнѣвъ Божиємъ*, который по слову Ап. Павла, *открывается съ небеси на нечестіе и неправду чelовѣковъ* (Римл. 1, 18). Безчисленные примѣры подобныхъ бѣдствій мы видимъ и въ словѣ Божиємъ,—и всѣ эти бѣдствія служили наказаніемъ Божиимъ за умноженіе грѣховъ. Такъ Богъ наказаль нѣкогда Израильтянъ *язвою великою злo* за то, что они роптали на вождя своего Моисея и предалися крайней неумѣренности въ пищѣ (Числь 11, 13: 33). Такъ Богъ нерѣдко наказываль свой непокорный народъ страшными войнами за то, что они, по слову пророка, *не послушаша словесъ Господа, и законъ Его отвергоша* (Іерем. 6, 19).

Итакъ если такимъ образомъ постигающее насъ бѣдствіе служить очевиднымъ наказаніемъ Божиимъ за наши грѣхи и неправды, то спрашивается: что же намъ дѣлать, чтобы отвратить это наказаніе и снова пріобрѣсти благоволеніе Божіе? *Его же любитъ Господь, наказуетъ*, говоритъ Ап. Павелъ, (Римл. 12, 6), значить и настоящее бѣдствіе Господь посылаетъ для того, чтобы мы подъ тяжестію наказанія опомнились, сознали свои грѣхи, оставили свою прежнюю грѣховную жизнь и начали жизнь новую и Богоугодную для того, чтобы мы сдѣлались людьми непорочными, преданными Богу и исполненными любви къ своимъ ближнимъ. Итакъ вотъ чего требуетъ отъ насъ Богъ, посылая на насъ настоящее бѣдствіе! Покаянія и исправленія нашей жизни!

И если мы, вразумившись посылаемымъ на насъ наказаніемъ Божиимъ, придемъ въ истинное покаяніе, будемъ всеусиленно стараться о томъ, чтобы истреблять въ себѣ всѣ грѣховныя привычки и по-

желанія и жить сообразно святому закону Божию; то и гнѣвъ Божій на насъ прекратится,—и мы будемъ чувствовать только на себѣ благодѣянія Божіи. При этомъ только условіи могутъ быть дѣйственны и молитвы наши къ Господу Богу объ отвращеніи отъ насъ праведно движимаго на насъ гнѣва Божія; въ противномъ же случаѣ, если т. е. въ насъ не будетъ истиннаго духа покаянія и искренняго, твердаго намѣренія исправить свою жизнь, то и самыя молитвы наши не принесутъ намъ никакой пользы. Богъ не внемлетъ молитвамъ грѣшниковъ, не желающихъ исправиться; напротивъ устами пророка Онь прямо говоритъ нераскаянному Израильскому народу: *егда прострете руки ко мнѣ, не услышу васъ: и аще умножите моленія, не услышу васъ* (Исаи, 1, 15).

Итакъ, братіе, принесемъ же искреннее раскаяніе во всѣхъ грѣхахъ своихъ, постараемся исправить свою прежнюю грѣховную жизнь и измѣнить ее на жизнь новую и святую и съ чувствомъ глубокаго, сердечнаго сокрушенія будемъ непрестанно взывать молитвенно къ Господу Богу: *помилуй насъ, Господи, помилуй насъ! всякыи бо отвѣта недоумьюще сію ти молитву, яко владыцѣ, грѣшнии приносимъ: помилуй насъ. Аминь.*

Ректоръ Семинаріи, Архимандритъ Тихоць.

Почему Христіанская Православная Церковь, въ противоположность Католической и Протестантской, въ своемъ богослуженіи не допускаетъ музыки, а ограничивается однимъ только пѣніемъ?

(Продолженіе *).

При общемъ пѣніи, какое существовало въ то время на востоцѣ, возможны были болѣе всего поврежденія и нестроенія въ пѣніи. Отсюда—новый рядъ мѣръ, направленныхъ къ учрежденію особаго класса пѣвцовъ и постепенному устраненію отъ пѣнія присутствующихъ при богослуженіи. (Пр. ап. 63, 69, 25, 27, 43; Лаод. соб. 15, 23, 24, 25, 59; Трул. соб.—75). Эти заботы о благолѣпнн пѣнія идугъ до 8-го в., когда Іоаннъ Дамаскинъ своимъ октоихомъ положилъ конецъ произвольнымъ уклоненіямъ отъ общепринятыхъ напѣвовъ

*) См. «Дух. Вѣстн. Груз. Экз.» № 13-й.

и сообщил пѣнію однообразіе и прелесть, и изящество художественнаго исполненія.—Все, что сказано было доселѣ о пѣніи, относится болѣе къ церкви Восточной. Но Западная Церковь въ продолженіи первыхъ 8 столѣтій находилась подъ сильнымъ вліяніемъ Церкви Восточной и слѣдовала ей также въ отношеніи пѣнія. Св. Иларій, жившій въ 4-мъ в., по примѣру церквей восточныхъ, впервые далъ ходъ общинному пѣнію на Западѣ. Амвросій Медиоланскій перенесъ съ Востока антифонное пѣніе съ ритмомъ, метромъ и тонами. Но особенно много заботился объ улучшеніи пѣнія папа Григорій Великій, который ввелъ въ Западной Церкви, какъ наиболѣе стройное и приличное, греческое пѣніе съ 4 главными и 4 второстепенными тонами. Пѣніе, устроенное Григоріемъ В., сдѣлалось господствующимъ въ Западной Европѣ, какъ на Востокѣ пѣніе Іоанна Дамаскина. Такимъ образомъ до 8-го в., во весь слѣдующій періодъ устройства и внутренняго, и внѣшняго церковнаго благочинія въ обѣихъ церквяхъ—Западной и Восточной—пѣніе составляло исключительную принадлежность богослуженія. Въ 8—10 в. Греческая церковь передала вмѣстѣ съ христіанствомъ почти въ неизмѣнномъ видѣ и древнее пѣніе Славянской и Русской церквамъ, которыя довольствуются только имъ до настоящихъ дней. Органъ и музыка въ 1-й разъ при богослуженіи появились въ западной церкви въ IX в. Первый органъ былъ присланъ въ подарокъ греческимъ императоромъ Константиномъ Копрономъ французскому королю Пыпину Короткому въ 750 г., но ни откуда не видно, чтобы для цѣлей богослужебныхъ. Въ слѣдующія IX—XII столѣтія пѣніе было въ общемъ употребленіи и объ инструментальной музыкѣ нѣтъ упоминаній. Такъ Амалярій, западный ученый IX в., писалъ, что въ его время пѣвцы пѣли не на цимбалахъ, не на лирѣ, не на цитрѣ и не на другихъ какихъ либо музыкальныхъ орудіяхъ, но воспѣвали духомъ. Тома Аквинатъ, знаменитый богословъ XII-го в., говоритъ: „церковь наша не принимаетъ инструментовъ музыкальныхъ, каковы цитра и псалтырь, дабы не казаться іудействующею; притомъ эти инструменты болѣе нѣжатъ сердце, нежели *настраиваютъ къ добру*. Въ Ветхомъ же Заветѣ они употреблялись потому, что тогда народъ былъ болѣе *грубъ и плотянь*“ (Ист. обз. пѣсн. Фил. Чернстр. 264). Первый органъ былъ поставленъ въ Ахенскомъ соборѣ при Людовикѣ Благочестивомъ († 840 г.) и въ XII-мъ в. составлялъ такую рѣдкость, про которую не зналъ ученый Тома Аквинатъ, Имъ поль-

зовалась церковь Галльская, какъ особой привилегіей, безъ формальнаго разрѣшенія со стороны папы. Но невѣжество народа и духовенства, исказившаго древне-Григоріанское пѣніе, склонность Западной церкви къ внѣшнему блеску и ея желаніе привлечь тѣмъ въ свое лоно новыхъ членовъ—помогли органу распространиться изъ Франціи по всей католической Европѣ. Съ 14—16 вв. не только органъ, но и оркестръ изъ разныхъ духовыхъ и струнныхъ орудій получили полныя права гражданства въ католическомъ богослуженіи. Но и въ Западной церкви не замедлили явиться протесты противъ введенія музыки въ богослуженіе. Тридентскій соборъ на предложеніе устранить изъ богослуженія пѣніе, сопровождающееся игрою на инструментахъ постановилъ „терпѣть оное“ и допускалъ только употребленіе одного органа съ устраненіемъ впрочемъ того, что недостойно божественной службы (засѣд. XXII и XXIV). Онъ же сдѣлалъ настоятельное распоряженіе объ изученіи древне-Григоріанскаго пѣнія. Послѣдующіе папы, не возбуждая вопроса о церковной музыкѣ по существу, принимали различныя мѣры къ улучшенію вокальнаго пѣнія и къ ограниченію произвола въ сложеніи музыкальныхъ композицій. Такимъ образомъ въ Западной церкви римскіе папы только терпѣли музыку при богослуженіи, скорѣе допускали ее по необходимости—изъ желанія поддержать церковное благолѣпіе при неискуствѣ пѣвцовъ, чѣмъ изъ сознанія ея важности. Полную санкцію инструментальная музыка въ католическомъ богослуженіи получила сравнительно недавно—въ 1749 г. отъ папы Венедикта XIV. Допуская музыку при богослуженіи для усиленія пѣнія и для вящаго возбужденія благоговѣнія слушателей, Венедиктъ XIV-й дѣлаетъ весьма важное замѣчаніе, чтобы она избѣгала театральности и не поглощала словъ. „Церковная музыка, какъ учитъ Исидоръ Севильскій“, говорится въ папской буллѣ, „имѣетъ задачею своею возносить души людей къ Богу, но какъ это можетъ быть, если не слышно словъ?“— Въ настоящее время церковная музыка не возбуждаетъ болѣе сомнѣній въ членахъ Католической церкви, но однако и тамъ преданія и традиціи древности настолько оказались живы и сильны, что Ліонская церковь и доселѣ не принимаетъ инструментальной музыки; музыка никогда не употребляется въ Сикстинской капеллѣ, при папскомъ служеніи и во время постовъ во всей Католической церкви.

Мы представили историческій обзоръ вокальной и инструментальной музыки въ Церкви Христовой¹⁾. Изъ него мы видимъ, что музыка въ богослуженіи въ сравненіи съ пѣніемъ есть явленіе новое и не самодовлѣющее и что она введена была въ Западной церкви сперва только для поддержанія стройности пѣнія, потомъ освящена, какъ средство къ возбужденію благоговѣнія въ молящихся, пока наконецъ не получила преобладающаго значенія и не заглушила пѣнія. Если бы мы пожелали обосновать свои сужденія на исторической давности того и другаго искусства, то безспорно пѣніе имѣть право на исключительное употребленіе въ церкви. Его освятили своимъ примѣромъ Иисусъ Христосъ и апостолы; за него свидѣлствуютъ тысячелѣтняя практика Восточной и Западной церквей; за него же высказались отцы и учителя и *вселенскіе соборы*, авторитетное мнѣніе которыхъ одинаково раздѣляетъ Восточная и Западная церковь. Въ дѣлѣ церковной практики, конечно, рѣшающее значеніе имѣютъ историческія и каноническія основанія; но, помимо ихъ, есть еще и внутреннія психологическія основанія для такого предпочтенія одного искусства предъ другимъ. — Сравнительная важность и значеніе ихъ въ отношеніи богослуженія опредѣляется сущностью того и другаго искусства, средствами, которыми каждое изъ нихъ располагаетъ, и цѣлю, какую преслѣдуетъ богослуженіе. Съ этой точки зрѣнія пѣніе имѣть многія преимущества предъ инструментальной музыкой, но главнѣйшее изъ нихъ основывается на внутренней глубокой связи, какая существуетъ между словомъ и голосомъ или пѣніемъ челоуѣка. Слѣдовательно все, что можно сказать о превосходствѣ слова предъ всякими другими способами выраженія душевной жизни, должно быть отнесено и къ пѣнію. Слово было и навсегда останется лучшимъ языкомъ и истолкователемъ внутренней духовной жизни челоуѣка. Посредствомъ слова челоуѣкъ мыслить; чрезъ него же онъ передаетъ другимъ свои думы, свои сердечныя пожеланія и тайныя стремленія. Но какъ бы ни было слово точно, ясно и опредѣленно, оно не можетъ выразить всей глубины челоуѣческой мысли и чувства; оно не

¹⁾ Лютеранская церковь также употребляетъ въ богослуженіи органы и (инструментальную) музыку съ тѣмъ впрочемъ различіемъ отъ Католической, что въ ней болѣе обращается вниманія на текстъ и слова пѣнія, чѣмъ въ послѣдней.

въ состояніи изобразить всѣхъ движеній и колебаній человѣческаго сердца. И тамъ, гдѣ слово оказывается безсильнымъ, человѣкъ прибѣгаетъ къ звукамъ и непосредственно къ модуляціямъ своего голоса. Повышеніе или пониженіе человѣческаго голоса, его напряженіе и скорость сообщаютъ тотъ или другой внутренней смыслъ слову, передаютъ силу и характеръ переживаемаго чувства. Уже изъ вседневнаго наблюденія мы знаемъ, какое измѣненіе слову и получаемому отъ него впечатлѣнію придаетъ то, будетъ ли оно произнесено громко или тихо, высоко или низко и т. д. Слѣдовательно уже нашей простой рѣчи присуща въ нѣкоторомъ смыслѣ пѣвучесть, музыкальность. Пѣніе является какъ бы продолженіемъ и завершеніемъ музыкальности слова. Въ немъ полнѣе и глубже выражается и изливается душа и ея измѣнчивыя настроенія. Слово говоритъ болѣе мысли и сообщаетъ только фактъ извѣстнаго состоянія, совершающійся на поверхности человѣческой души. Въ томъ или другомъ сочетаніи звуковъ, въ изгибахъ и переливахъ человѣческаго голоса раскрывается этотъ фактъ со всѣмъ разнообразіемъ сопровождающихъ его чувствованій. Пѣніе, въ соединеніи съ словомъ, со всею опредѣленностью способно передать и торжество переполненнаго радостію сердца, и слезы раскаянія и жажду лучшаго, идеальнаго міра. И все это является просто, непосредственно, выливается прямо изъ сердца, иногда почти безъ участія воли и сознанія. Правда, безвозвратно прошло то время, когда человѣкъ изобрѣталъ слова для передачи своихъ впечатлѣній и тотчасъ же подбиралъ соотвѣтствующіе имъ мотивы. Но и теперь этой цѣли также хорошо удовлетворяютъ слова, сочиненныя другими и звуки, усвоенные нами по слуху. Слушая величавые и веселые напѣвы ирмосовъ на Пасху, намъ кажется, что лучше и не возможно выразить восторгъ и ликованіе искупленной души, радующейся воскресенію своего Избавителя. Къ трогательному и потрясающему пѣнію Страстной седмицы мы невольно присоединяемъ вопль и негодованіе своего сердца и грустное сознаніе „всѣхъ тѣхъ бывшихъ“. Если согласимся при этомъ, что богослуженіе есть не только выраженіе неопредѣленныхъ восторговъ и тѣхъ или иныхъ душевныхъ настроеній, а вполне сознательное и разумное выраженіе отношеній человѣка къ Богу, т. е. выраженіе объективной вѣры, то пѣніе наиболѣе отвѣчаетъ такому понятію о богослуженіи. Къ тому же средства такъ просты и естественны, что пѣнію нельзя не отдать предпочте-

нія предъ музыкой. Единственнымъ требуемымъ орудіемъ является голосъ, нераздѣльный съ самымъ существомъ челоуѣка. Съ дѣтства всякій упражняетъ свой голосъ и приспособляетъ его къ передачѣ своихъ душевныхъ состояній. Всякое одушевляющее челоуѣка чувство всегда найдетъ соотвѣтствующій подражательный или самостоятельный мотивъ для своего обнаруженія. Пѣніе является такимъ образомъ столь же необходимымъ и естественнымъ, какъ крикъ отъ боли или удивленія, какъ непроизвольное движеніе руки, и вслѣдствіе этого выражаетъ съ неподражаемою точностію и силой страданіе, радость, гнѣвъ, всѣ движенія и всѣ волненія живаго, чувствующаго существа съ ихъ мельчайшими оттѣнками. При этомъ пріятность и сладость извѣстнаго пѣнія зависитъ не столько отъ искусства исполненія, сколько отъ того или иного душевнаго состоянія и чувства удовлетворенія, возникающаго отъ соотвѣтствія поемаго съ минутой настроенія. Сильныя чувства вообще и религіозное по преимуществу не требуютъ или обходятся безъ сложныхъ обнаруженій. Они выражаются просто, отрывисто. Напряженное религіозное возбужденіе проявляется въ преклоненіи ницъ предъ всемогуществомъ Творца, въ шопотѣ молитвы и тихихъ слезахъ. Если къ этому присоединяется простое и безыскусственное пѣніе, то такой челоуѣкъ чувствуетъ себя вполне успокоеннымъ и удовлетвореннымъ. Такимъ образомъ богослужбное пѣніе, служа непосредственнымъ выраженіемъ религіознаго чувства и удовлетворяя нашей потребности проявлять во внѣ свои душевныя движенія, въ нѣкоторомъ смыслѣ исключаетъ всякое другое обнаруженіе религіознаго чувства. Избыткомъ религіознаго чувства и объясняется главнымъ образомъ то обстоятельство, что апостолы и первые христіане довольствовались пѣніемъ и притомъ простымъ, безыскусственнымъ, граничащимъ съ речитативомъ. Они слишкомъ были заняты тѣмъ, что происходило внутри ихъ, чтобы заботиться объ искусственномъ возбужденіи себя и изысканномъ украшеніи своихъ нехитрыхъ пѣснопѣній. То же направленіе проходитъ чрезъ всю исторію Церкви, какъ мы видѣли, когда она въ лицѣ своихъ представителей старалась обуздать наклонность—извлечь удовольствіе изъ богослуженія—и поднять на такую высоту духъ челоуѣка, съ которой бы онъ могъ мысленно созерцать Бога. Отсюда намъ становятся понятными ея непрерывныя заботы о пѣніи и уясняются также взгляды отцовъ Церкви на музыку евреевъ. Музыка уже потому уступаетъ

пѣнію въ богослуженіи, что она не столь близка и сродна душѣ человека, какъ пѣніе, и является вторичнымъ актомъ человеческого творчества, дѣломъ рефлектирующей мысли и воображенія. Далѣе, самыя возвышенныя музыкальныя композиціи, будучи лишены слова, выражаютъ общія, неясныя представленія о божествѣ и передаютъ неопредѣленное, субъективное настроеніе, непонятное въ деталяхъ своихъ. Подчиняясь законамъ воображенія и не имѣя связующей нити въ видѣ логически слѣдующихъ понятій, музыка возбуждаетъ безпредметныя ильжныя или страстныя чувствованія и въ концѣ концовъ приводитъ къ квіетическому наслажденію, которое по самой природѣ своей противорѣчитъ основному тону—идеѣ личнаго Бога, проникающей собою христіанское богослуженіе. Поэтому выше приведенныя слова Блаженнаго Августина:—„лиры и органы должны быть отвергаемы церковію, потому что ихъ язычники употребляютъ для роскоши и похоти“...—имѣютъ весьма глубокое значеніе. Возбуждаемая музыкой религиозныя чувства, не опираясь на устойчивость мысли, постоянно находятся между двумя противоположными и однако близко сходящимися крайностями—между безформенными сновидѣніями фантазіи и грубо-чувственными ощущеніями, что одинаково недостойно богослуженія, которое должно быть выраженіемъ сознательнаго отношенія человека къ личному Верховному Существо—Богу.

Обратимъ вниманіе еще на слѣдующую психологическую особенность. Всякое удовлетвореніе, возникающее отъ исполненія какого-бы то ни было дѣла, много зависитъ отъ того участія, какое мы принимаемъ въ немъ. Между всеми искусствами, которыя церковь употребляетъ для своихъ цѣлей, пѣніе есть единственное, въ которомъ общество вѣрующихъ можетъ принимать активное участіе, хотя бы послѣднее выражалось въ простомъ подтягиваніи. Инструментальная музыка, не говоря уже о томъ, что она не доступна и непонятна для большинства, не представляетъ возможности къ удовлетворенію этой, вполне законной, потребности.

Мы не исчерпали бы вполне вопроса о преимуществахъ пѣнія въ богослуженіи, еслибы прошли молчаніемъ обратное дѣйствіе пѣнія на душу человека. Цѣль богослуженія заключается не въ томъ только, чтобы дать возможность человеку излить свои чувства благодаренія и удивленія, покаянія и радости, а въ назиданіи и поученіи. „Научайте и вразумляйте другъ друга псалмами, славословіемъ

и духовными пѣснями“ (Кол. 3, 16), говоритъ Апостоль Павелъ про молитвенныя собранія христіанъ. Также смотритъ на богослуженіе и Церковь, когда повелѣваетъ пѣть: „разумно“; „со вниманіемъ“; „сердцемъ и умомъ изыскивать смыслъ поемаго“. Наболѣе соотвѣтствующимъ средствомъ для достиженія такой цѣли является пѣніе. Церковныя пѣснопѣнія раскрываютъ все домостроительство нашего спасенія, разъясняютъ истины вѣры и нравственности. И съ церковнымъ пѣніемъ легче всего проникаютъ въ душу божественныя слова и истины и сознательно, и бессознательно дѣйствуютъ на его понятія, на его чувства, складъ мыслей и нравы. Вообще церковныя пѣсни—литературно-пеэтическія произведенія; и пѣніе ихъ тѣмъ сильнѣе производитъ впечатлѣніе и остается въ памяти, чѣмъ выше пѣснь по своему содержанію, чѣмъ художественнѣе и изящнѣе по своему внѣшнему строенію и исполненію. „Мы ощущаемъ“, говоритъ Блаженный Августинъ, „что пламеннѣе возбуждаемся къ благочестію св. словами, когда они поются голосомъ пріятнымъ и искуснымъ“ (*Confess. l. 10. c. 35*). При этомъ много значитъ живой голосъ пѣвца Энергія и сила голоса, его волненіе и т. д. непосредственно сообщаются слушателямъ и зажигаютъ въ нихъ искру того воодушевленія, какимъ проникнута душа поющаго. Если иногда слово забывается и замираетъ съ своимъ значеніемъ, то мотивъ остается и продолжаетъ звучать въ нашемъ сердцѣ. Каждому изъ насъ извѣстно, какъ неотвязчиво иногда преслѣдуютъ насъ тотъ или другой мотивъ или мелодія, и стараясь уловить его, мы невольно усваиваемъ содержаніе связанныхъ съ нимъ словъ. Сила пѣнія сказывается изъ того простаго явленія, что мы напѣваемъ церковныя пѣсни, не отдавая себѣ отчета въ ихъ смыслѣ. Слѣдовательно пѣніе, вслѣдствіе своей близости и сродства нашей природѣ, устанавливаетъ нерасторжимую связь между содержаніемъ словъ и нашимъ настроеніемъ и тѣмъ увеличиваетъ запасъ бессознательно лежащихъ въ душѣ впечатлѣній, которыя и составляютъ богатство ея.

Далѣе, церковныя пѣсни заключаютъ въ себѣ историческія воспоминанія, дорогія для христіанина, или прославленіе дѣлъ Божіихъ и подвиговъ угодниковъ, или призываніе къ покаянію и исправленію—все это не иначе можетъ быть выражено и внушено, какъ чрезъ пѣніе или чтеніе, но не музыкой, не имѣющей члено раздѣльныхъ

звукѡвъ. Пѣніе такимъ образомъ, постоянно занимаетъ своимъ содержаніемъ умъ и вниманіе слушателя и обнимаетъ всѣ стороны духовной дѣятельности человѣка. Въ немъ умъ находитъ себѣ пищу для размышленія, чувство—удовлетвореніе въ стремленіи къ прекрасному, воля—надлежащія возбужденія къ практической дѣятельности. Музыка питаетъ одно чувство, но область чувства слишкомъ обширна, гегясна и неопредѣленна, чтобы подчинить его непостоянному теченію мысли и волю человѣка. Вознося чувства на недосягаемую высоту, музыка не можетъ долго удержать ихъ на ней и не даетъ соответствующаго удовлетворенія мысли, жаждущей постоянной дѣятельности, и побужденій для дѣятельности воли. Поэтому, хотя музыка производитъ сильное и могущественное впечатлѣніе въ моментъ слушанія, но вслѣдствіе неуловимости и расплывчатости звукѡвъ имѣетъ кратковременное дѣйствіе и оставляетъ только мимолетныя слѣды. Силу пѣнія и его полное соответствіе богослуженію хорошо понимали отцы и учителя Церкви. „Ничто не возбуждаетъ“, говоритъ Іоаннъ Златоустъ, „не окрыляетъ такъ духа, ничто такъ не отрѣшаетъ его отъ земли и узъ тѣлесныхъ, ничто не наполняетъ любовію къ мудрости и равнодушію къ житейскимъ дѣламъ, какъ пѣніе стройное, какъ пѣснь священная, сложенная по правилу ритма“ (бесѣд. на 41 гл. Ист. обозр. церк. пѣсн. Фил. Черн. стр. 137). Такой отзывъ не искусственный приѣмъ краснорѣчиваго оратора, но изложеніе дѣйствительно пережитыхъ впечатлѣній отъ пѣнія. Мы слишкомъ прислушались къ церковнымъ мотивамъ, но главное въ насъ охладѣло религиозное чувство, поэтому склонны видѣть въ этихъ словахъ идеализацію дѣйствительности. Но не то было съ первыми христіанами. Ихъ души были согрѣты огнемъ пламенной и живой вѣры; ихъ пѣніе являлось непосредственнымъ изліаніемъ ихъ душевнаго настроенія; ихъ богослуженіе было поэзіей, которая обаятельно дѣйствовала пѣвучею плавностію своего стиха и метра. Пѣніе исходило изъ глубины сердца, и оттого слова и напѣвъ, дѣйствуя заодно, такъ увлекали и глубоко потрясали слушателей. „Какъ плакалъ я среди твоихъ гимновъ и словесій“, свидѣтельствуетъ о себѣ Вл. Августинъ, „глубоко потрясенный голосами твоей умирительно поющей общины! Голоса эти вливались мнѣ въ уши, и истина оттаивала въ сердцѣ моемъ, въ немъ разгаралось чувство набожности, слезы текли ручьями, и мнѣ становилось хорошо. Съ недавнихъ еще поръ Миланская цер-

ксвь ввела у себя этотъ родъ отрады и назиданія въ видѣ торжественныхъ пѣсней... да не изведется народъ отъ скорби и сокрушенія“.

Вотъ какое сильное и могущественное дѣйствіе оказываетъ церковное пѣніе на душу вѣрующихъ! Поэтому глубоко правъ былъ папа Бенедиктъ XIV-й, который, разрѣшая употребленіе инструментовъ, какъ аккомпаниментъ для того, чтобы смыслъ словъ болѣе проникалъ въ сердца слушателей и воспламенялъ въ нихъ любовь къ божественнымъ предметамъ, спрашиваетъ, какъ это возможно, когда не слышно словъ, и считаетъ музыку бесполезною и непозволительною, если она поглощаетъ голосъ поющаго и смыслъ словъ. Изъ приведенныхъ основаній намъ становится теперь понятнымъ, почему Православная Церковь въ своемъ богослуженіи не допускаетъ музыки.

Православное богослуженіе и безъ пособія музыки вполне и для всѣхъ понятнымъ образомъ выражаетъ и величіе непреложной христіанской истины, и безграничность порывовъ человѣческаго чувства и представляетъ изъ себя одинъ стройный гимнъ, достойный христіанскаго Бога!

Преподаватель Тифлисской Духовной Семинаріи *Я. Чрединъ*.

По поводу возобновленія Курмухскаго храма.

До разоренія Курмухскаго храма св. Великомученика Георгія въ XVI-мъ вѣкѣ персидскимъ царемъ Шахъ Аббасомъ, въ Закавказскомъ округѣ христіанство процвѣтало. Въ 1292 году въ одной изъ пещеръ горъ Бѣлоканскихъ подвизался св. Пимень юродивый, инокъ Гореджіійскій. Недалеко отъ него въ другой пещерѣ молился Богу Антонъ Наохребелидзе (см. опис. г. Тиф. Іос. стр. 158 и Хроника Вах. стр. 119). Послѣдній былъ изъ Ахалциха. Не находя покоя отъ монголовъ въ своей родинѣ, онъ пришелъ въ Закавказскій округъ спасать свою душу отъ мірскихъ тревоженій.*) Тогда лезги-

*) Изъ описанія кончины Пафнутія, еп. Никозскаго (+ 17-го іюня, 1469 г.) видно, что онъ, Пафнутія, обратилъ лезгинъ ко Христу, образовалъ изъ Дидойскихъ и Аңцухжскихъ лезгинъ 10-ть приходовъ и жилъ между ними до 85-ти лѣтъ жизни. Святое дѣло его продолжалъ, по его порученію, инокъ Пансія, его родственникъ. Примѣч. редакт.

ны находились въ подчиненіи у грузинскихъ царей и не смѣли трогать христіанское населеніе округа, а внѣшній врагъ не всегда благополучно могъ проникнуть сюда, такъ какъ горныя ущелья округа до того укрѣплены самой природой, что никакой врагъ, проникшій сюда, не могъ безъ чувствительнаго удара вывести отсюда свою армію, тѣмъ болѣе, что они защищены были и каменной стѣной, идущей отъ Каспійскаго моря вдоль Кавказской горы вплоть до самой Тіанетіи на протяженіи болѣе 300 верстъ.

Персидскій царь Шахъ Аббасъ хорошо понималъ такое важное стратегическое значеніе округа для царства Кахетинскаго. Поэтому, чтобы ослабить военное могущество Кахетіи, онъ сперва приказалъ царю Кахетіи Александру II-му уступить ему Кахскій участокъ, — восточную часть округа. „Въ 1602 году, говорится въ лѣтописи, Шахъ Аббасъ отнялъ у Кахетинскаго царя Александра II-го провинцію Кахи (Кахскій участокъ) и взамѣнъ ея ежегодно отпускалъ царю изъ государственной своей казны 7000 руб.“ (См. Кар. Цхов. стр. 111, ч. II.). Правителемъ ея опредѣлили отщепенца грузина изъ рода князей Гурамовыхъ. (См. крестьян. граотн. Пурц. стр. 83). Ему же подчинены были всѣ подгорныя грузинскія селенія Нухинскаго уѣзда: Башъ Гейнукъ (ზგბო-განუბი), Ашага-Гейнукъ (აშაგა-განუბი), Кошкачай и другія, въ которыхъ жили христіане.

Со времени этого смертельнаго удара Кахетія утратила, какъ внутреннюю, такъ и религіозную связь между своими частями. Оторванная отъ царства, восточная провинція, стонала подъ гнетомъ мусульманскаго фанатизма. Элементъ мусульманскій началъ усиливаться въ округѣ. Тогда грузины истребили монгольскихъ пришельцевъ времени Тимура и очистили округъ отъ вліянія магометанъ. Узнавъ объ этомъ, Шахъ Аббасъ пришелъ въ ярость и въ гнѣвѣ своемъ рѣшилъ или истребить все христіанское населеніе округа или обратить его въ магометанство мечемъ и огнемъ. Но своими персидскими силами не надѣялся имѣть успѣхъ въ своемъ предпріятіи, такъ какъ въ горныхъ ущельяхъ округа грузины окончательно могли уничтожить его армію. Въ 1616 году онъ сталъ готовиться въ походъ и, прежде чѣмъ выступить, написалъ лезгинскимъ вождямъ Дагестана письмо слѣдующаго содержанія: „желаю истребить христіанъ Кахетинскихъ; и если они станутъ искать убійца, по своему обыкновенію, въ ущельяхъ округа и въ горахъ вашихъ, то помогите мнѣ и истребите

ихъ, и я богато одарю васъ за это“ (см. Груз. Хрон. ч. II стр. 117). За эту помощь онъ предложилъ имъ всѣ подгорныя селенія округа, кои они очистятъ отъ грузинъ. Такъ какъ эти селенія служили всегда мѣстами убѣжища для грузинъ во времена нападенія персовъ, то лезгины надѣялись въ нихъ найти несмѣтное церковное богатство и другія сокровища, а потому съ радостью согласились на предложеніе безчеловѣчнаго шаха. Такимъ образомъ съ юга должна была наступать на Кахетію оборванная армія персидская, часть которой направилась на Тіонети, а съ сѣвера должны были напасть на Закатальскій округъ дагестанскіе лезгины. Узнавъ о грозномъ намѣреніи шаха, кахетинцы оставили свои жилища и скрылись въ ущельяхъ горъ Кавказскихъ. Наступило время полной анархіи. Подступилъ врагъ къ потаеннымъ мѣстамъ. Началась страшная рѣзня, пошли насилія, грабежи и измѣны. Грузины и лезгины дрались отчаянно на жизнь и смерть. Будучи окружены врагами съ юга, съ сѣвера и съ запада, храброе населеніе округа бросилось одновременно какъ на сѣверныхъ, такъ и на южныхъ враговъ. Потерявъ надежду спасти себя, свои семейства, свое состояніе, родину и св. Церковь отъ безбожнаго воителя, предки ингилойцевъ съ вѣрою и упованіемъ на Бога вступили въ рукопашный бой съ храбрыми лезгинами. Въ то же время тіонетцы и кахетинцы окончательно уничтожили армію шаха, посланную противъ нихъ съ запада. Самъ Шахъ Аббасъ съ своимъ обсерваціоннымъ корпусомъ стоялъ на правомъ берегу р. Алазани. Противъ него стояли Чіаурцы и безпрестанными своими нападеніями бѣсили врага. Наконецъ въ не равной борьбѣ они должны были уступить ему побѣду и покориться. Но жестоко поступилъ онъ съ покореннымъ народомъ. Царевичъ Вахушти говоритъ въ своей грузинской географіи, что Шахъ Аббасъ выселилъ изъ Чіаурскаго приставства 80 тысячъ грузинъ и поселилъ ихъ въ Персіи въ провинціяхъ: Мазандаранѣ, Хоросанѣ и Феріи, гдѣ они, потерявъ вѣру отцовъ своихъ, донинѣ не утратили свой родной языкъ (см. Кар. Цхов. ч. II, стр. 118).

Священникъ В. Джандѣвъ.

(Продолженіе будетъ).

Основы врачебновѣдѣнія.

(Лекція, читанная воспитанникамъ Тифлисской православной духовной семинаріи).

(Продолженіе *).

Кровь, ея движеніе и значеніе въ дѣлѣ питанія.

Процессы пищеваенія и всасыванія, какъ теперь уже извѣстно вамъ, назначены для пополненія или для питанія крови, которая, принимая въ свой составъ и усвоивая питательныя вещества, разноситъ ихъ по всему тѣлу, для поддержанія во всеѣхъ тканяхъ его обмѣна веществъ. Въ виду такой роли крови,—роли существеннаго посредника обмѣна веществъ въ живомъ тѣлѣ, откуда добываютъ себѣ пищу все части нашего тѣла: мускулы, кости, кожа, перепонки, мозгъ и все остальные органы,—въ ней (въ крови) должно быть и дѣйствительно находится все, что требуется для тѣла и его питанія. Но весь этотъ матеріалъ долженъ только находиться въ крови въ такомъ видѣ, чтобы могъ удобно просачиваться сквозь кровеносныя жилы въ различныя части тѣла, т. е. кровь должна представлять растворы питательнаго матеріала. Дѣйствительно кровь оказывается жидкостію довольно густою и непрозрачною, краснаго цвѣта, которая состоитъ изъ жидкой части, называемой *кровоною плазмою*, и плавающихъ въ ней *кровяныхъ тѣлецъ* или *шариковъ*.

Человѣческая кровь имѣетъ свой запахъ, похожій на запахъ человѣческаго же пота; кровь всякаго животнаго пахнетъ какъ нибудь особенно, отлично отъ крови человѣческой и отъ крови другихъ животныхъ. Кровь, текущая по жиламъ живаго человѣка, всегда находится въ жидкомъ состояніи, но при выступленіи изъ жилъ, напр. при раненіи, равно какъ и при смерти она сгущается и створаживается. Если кровь, вытекающую изъ жилы, напр. при раненіи или при закалываніи животнаго, собрать въ какой-либо сосудъ (стаканъ и т. п.), то она створаживается на подобіе молока, превращаясь въ мягкую студенистую массу, затѣмъ эта масса все болѣе и болѣе стигивается и оплотнѣваетъ, выдѣляя изъ себя по каплямъ желтоватую жидкость, и, наконецъ, чрезъ нѣсколько (10—12 ть) часовъ вся кровь раздѣляется на два слоя: желтоватую жидкость, называемую *кровоною сывороткою*, и плавающий въ ней *красный* плотный *сгустокъ*. Кровоной сгустокъ состоитъ изъ свернувшася бѣлковаго тѣла—*волоконныя*, или *фибрина*, между волокнами и пластинками котораго помѣщаются *красныя* и *бѣлыя кровяныя шарики*, а желтоватая кровяная сыворотка представляетъ собою жидкую часть крови—*плазму*, изъ которой выбылъ свернувшійся фибринъ.—Плазма, отдѣленная отъ кровяныхъ тѣлецъ или шариковъ, имѣетъ желтоватый цвѣтъ и жидкій видъ ея зависитъ отъ большаго количества воды, содержащейся въ ней. Если возьмемъ 1000 капель крови, то воды въ здоровой крови наберется на это коли-

* См. «Дух. Вѣстн. № 12-й»

чество 780 капель. Кромѣ воды въ плазмѣ находятся бѣлковыя вещества въ растворенномъ состояніи; они придаютъ крови густоту и составляютъ по преимуществу питательный матеріалъ крови. Бѣлковыя тѣла эти двухъ родовъ: *бѣлковина* и *фибринъ* или *волоконина*. Они, будучи сходны между собою, какъ вообще бѣлковыя вещества, отличаются способностію свертываться не при одинаковыхъ условіяхъ: бѣлковина свертывается, становясь плотною и непрозрачною, при кипяченіи подобно яичному бѣлку, волоконина же твердѣетъ и выдѣляется изъ плазмы при обыкновенной температурѣ отъ соприкосновенія съ воздухомъ и при остановкѣ движенія крови по сосудамъ. Оба эти бѣлковыя тѣла въ живой, текущей по сосудамъ, крови находятся всегда во взаимной смѣси и въ растворенномъ состояніи. Помимо бѣловыхъ тѣлъ въ кровяной плазмѣ находятся также минеральныя вещества, между которыми больше всего обыкновенной т. е. поваренной соли, а также извѣстковыя соли—углекислыя и фосфорнокислыя, потребныя для костей, зубовъ, равно какъ и для мозга. Солей въ крови вообще немного. Наконецъ въ плазмѣ растворены еще газы—кислородъ и углекислота, которая здѣсь кромѣ чистой формы встрѣчается и въ составѣ солей, напр. углекислый натръ, похожій на соду и т. д.—Кровяные шарики, плавающіе въ плазмѣ, придаютъ красный цвѣтъ крови; и отъ нихъ же зависитъ непрозрачность и густота крови. Кромѣ красныхъ, въ крови встрѣчаются еще и бѣлые шарики, которые отличаются отъ первыхъ, кромѣ цвѣта, величиною и устройствомъ. Красные шарики имѣютъ видъ плоскихъ кружковъ, вдавленныхъ посрединѣ, величиною около $\frac{1}{100}$ мм. въ діаметрѣ; они равномернаго краснаго цвѣта, очень мягки, гибки и эластичны и въ спокойно стоящей крови наклонны соединяться по нѣсколько между собою въ столбики, подобно монетнымъ сверткамъ. При движеніи по тонкимъ сосудамъ они могутъ перегибаться, удлинняться, сталкиваясь или опережая другъ друга; это обстоятельство указываетъ на отсутствіе оболочки въ нихъ. Хотя красные кровяные шарики, отдѣльно взятые, почти прозрачны, кровь, какъ уже было сказано, непрозрачна. Непрозрачность крови зависитъ отъ большого количества находящихся въ ней кровяныхъ шариковъ (въ 1 куб. мм. 5 миліон. шариковъ), а также отъ неодинаковаго ихъ состава съ плазмой. Въ составѣ красныхъ кровяныхъ шариковъ находятся бѣлковыя вещества, небольшое количество минеральныхъ солей, также немного жировъ и особое красящее вещество—*гемоглобинъ*, которое содержитъ въ себѣ желѣзо. Этотъ гемоглобинъ имѣетъ свойство химически связывать газы (кислородъ, окись углерода и окись азота); поэтому въ кровяныхъ шарикахъ всегда заключаются газы—главнымъ образомъ кислородъ, привимаемый изъ воздуха въ легкихъ, но также азотъ и углекислота.—Бѣлыхъ шариковъ въ крови гораздо меньше, чѣмъ красныхъ, приблизительно 1 на 300; они обыкновенно больше красныхъ ($\frac{1}{100}$ мм.), имѣютъ видъ настоящихъ шариковъ съ зернистымъ содержимымъ и ядромъ, тогда какъ красные плоски, почти прозрачны и ядра не имѣютъ. Бѣлые шарики крови очень похожи на клѣточки лимфы, отъ которыхъ они происходятъ, и могутъ, подобно лимфатическимъ тѣламъ, измѣнять свою форму, выпуская и втягивая отростки. Составъ ихъ оди-

наковъ съ красными, только нѣтъ красящаго вещества. Въ крови нѣкоторыхъ органовъ (селезенка) встрѣчаются переходныя формы между красными и бѣлыми шариками, что указываетъ на образование первыхъ изъ вторыхъ.

Д-ръ медиц. *М. Мышкинъ.*

Архіерейскія служенія.

31-го минуваго мая Его Преосвященство, Преосвященный Александръ, Епископъ Горійскій, совершилъ Божественную литургію въ кафедральномъ соборѣ въ сослуженіи архимандритовъ—Кесарія и Никифора и мѣстнаго причта.

7-го сего іюня Преосвященный Александръ, Епископъ Горійскій, совершилъ Божественную литургію въ кафедральномъ соборѣ въ сослуженіи архимандритовъ—Евсевія и Никифора, мѣстнаго причта и священниковъ Соломона Еліозова и Нестора Мачарова. На литургіи во время малаго входа возведенъ въ санъ протоіерея настоятель вѣрійской кладбищенской Николаевской церкви Соломонъ Еліозовъ, а настоятель мтацминдской Давидовской церкви, священникъ Несторъ Мачаровъ награжденъ скуфією, и, по пресуществленіи св. даровъ, рукоположенъ былъ во діакона, окончившій полный курсъ ученія въ учительскомъ институтѣ, Аполлонъ Иваницкій, по происхожденію инглоецъ.

28-го іюня Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Экзархъ Грузіи, Архіепископъ Палладій совершилъ торжественно въ Тифлискомъ кафедральномъ Сіонскомъ соборѣ Божественную литургію въ сослуженіи преосвященнаго Александра, архимандритовъ—о. ректора Семинаріи Тихона, Кесарія, Евсевія и Никифора и соборнаго духовенства и послѣ литургіи молебствіе Господу Богу о прекращеніи появившейся у насъ холерной эпидеміи съ крестнымъ ходомъ изъ собора по главнымъ и болѣе населеннымъ улицамъ города. Въ совершеніи молебствія и крестнаго хода приняло участіе, кромѣ означенныхъ священнослужителей, все городское духовенство. Изъ Сіонскаго собора для крестнаго хода были подняты большой выносной крестъ, множество хоругвей, запрестольныя иконы и издревле святочитимые чудотворные образа: Нерукотворенный образъ Спаса, Божіей Матери Сіонской, Божіей Матери Казанской, св. равноапостольной Нины съ чудотворнымъ крестомъ изъ виноградныхъ лозъ. За иконами слѣдовали экзаршескіе пѣвчіе, священники и протоіереи въ бѣлыхъ облаченіяхъ попарно несли св. образа, предъ которыми діаконы, предшествовавшіе тоже попарно, совершали по временамъ каждеіе, оо. архимандриты несли св. напрестольное Евангеліе, а Высокопреосвященнѣйшій Владыка Экзархъ замыкалъ собою процессію, неся св. крестъ въ рукахъ подъ осѣненіемъ рипидъ. Крестный ходъ послѣдовалъ изъ собора по улицамъ Сіонской, Приказной, Армянскому базару, Пушкинской, Семинарской, Лорисъ-Меликовской, Баронской, Головинской и Дворцовой, останавливаясь на всѣхъ площадяхъ, находящихся на пути слѣдованія: Экзаршеской, Эриванской, Пушкинской и Дворцовой. Владыка Экзархъ на сказанныхъ площадяхъ осѣнялъ народъ св. крестомъ, а на дворцовой св. иконами и кропиль св. водою. За Его Высокопреосвященствомъ, во все время шествія,

слѣдовали Г. Помощникъ Главнначальствующаго, графъ И. Д. Татищевъ, Командантъ Г. Л. Эрнстъ, Тифлиссій Губернаторъ, Князь Г. Д. Шарвашидзе, Д. С. С. Г. В. Мицкевичъ, прибывшіе въ соборъ еще въ началѣ литургіи, и многіе другіе изъ лицъ военныхъ и гражданскихъ, а масса народа, увеличивавшаяся постепенно, переполняла названныя улицы и площади. Здѣсь можно было видѣть во множествѣ армянъ, католиковъ и другихъ иновѣрцевъ съ благоговѣніемъ спѣшившихъ помолиться съ православными объ общей нуждѣ. Громогласно возглашенные неоднократно духовенствомъ и пѣвчими припѣвы во время молебна и крестнаго хода: «Многоименитиве Господи, Спасе нашъ, помилуй насъ; Пресвятая Богородице спаси насъ; св. великомучениче Георгіе, Цѣлителю Пантелеймоне и равноапостольная Нино, молите Бога о насъ», составляли прошенія всѣхъ молящихся, которые, произнося тѣже слова вмѣстѣ съ духовенствомъ и пѣвчими, какъ бы едиными устами, настолько умилялись, что всѣ почти плакали, а прекрасное слово о. ректора семинаріи Тихона, сказанное въ свое время, болѣе восполнило чувство умиленія и расположило молящихся къ слезамъ покаянія и молитвы. Крестный ходъ въ должномъ порядкѣ возвратился обратно въ соборъ, гдѣ было закончено молебствіе прочтеніемъ колѣнопреклонной молитвы объ избавленіи отъ губительной заразы и отпustomъ.

29-го іюня, въ день Первоверховныхъ Апостоловъ Петра и Павла, Высокопреосвященнѣйшій Владыка, Экзархъ Грузіи служилъ также литургію въ кафедральномъ Сіонскомъ соборѣ при участіи преосвященнаго Александра, архимандритовъ Кесарія, Николая, Евсевія и Никифора и мѣстнаго причта. По окончаніи литургіи Высокопреосвященнѣйшимъ совершено было молебствіе празднуемымъ святымъ съ крестнымъ ходомъ на улицу—къ соборной колокольнѣ и вокругъ собора, съ хоругвями и иконами Нерукотвореннымъ образомъ, Божіей Матери Казанской, св. равноапостольной Нины и съ осѣненіемъ семи святынями молящихся и св. крестомъ и кропленіемъ св. водою на четырехъ сторонахъ собора. По вхожденіи въ соборъ молебствіе было закончено прочтеніемъ молитвы объ избавленіи отъ существующей заразы и многолѣтіемъ Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ, Наслѣднику Цесаревичу, Великимъ Князьямъ Павлу Александровичу и Петру Николаевичу и Всему Царствующему Дому.

Въ этотъ же день все городское духовенство послѣ литургіи и молебна въ приходскихъ церквахъ совершило крестные ходы съ хоругвями и иконами по своимъ приходамъ при звонѣ колоколовъ. Между прочими крестными шествіями слѣдуетъ указать на шествіе изъ Тифлисской Марининской церкви, гдѣ настоятельствуетъ городской благочинный о. С. Шошіевъ. Прихожане о. благочиннаго разсѣяны почти по всему Авлабару, многолюдной части города, гдѣ насчитывается около 10-ти тыс. жителей разныхъ исповѣданій, и потому ему необходимо было совершить ходъ крестный по многимъ улицамъ. Для торжественности, онъ пригласилъ священнослужителей изъ сосѣдняго Спасопретображенскаго монастыря и Архангельской церкви и, при участіи ихъ и хора пѣвчихъ, съ крестомъ въ

рукахъ отправился крестнымъ ходомъ по улицамъ Авлабара; при этомъ подняты были чудотворная икона св. великомученицы Марины, образъ свитителя Николая и другія святыни и хоругви. Крестный ходъ послѣдовалъ до Кахетинской площади; здѣсь о. благочинный, совершивъ обнѣненіе во всѣ четыре стороны св. крестомъ и окропивъ народъ св. водою, произнесъ на грузинскомъ языкѣ рѣчь, въ которой совѣтовалъ искать спасенія отъ холеры единственно въ Богѣ, не избѣгая впрочемъ помощи врачей. Потомъ крестный ходъ дошелъ до послѣдней черты Авлабара, — до Мнацакановскаго моста, а отсюда обратно возвратился въ надлежащемъ порядкѣ въ Марининскую церковь. Безчисленныя толпы народа двигались по сторонамъ улицъ, замедляя шествіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и придавая ему чрезвычайную торжественность. Не меньшею торжественностію отличался также крестный ходъ, послѣдовавшій изъ миссіонерской церкви съ миссіонеромъ Общества возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ, іеромонахомъ о. Исидоромъ — во главѣ, и совершившій кругъ чрезъ Свѣтлую площадь, Сіонскую улицу и Михайловскій мостъ. И при этомъ шествіи унизаны были обѣ стороны улицъ, чрезъ которыя проходило оное, толпами богомольцевъ, представлявшихъ своими разноцвѣтными одѣжями людное зрѣлище.

5-го іюля, въ воскресенье 6-й недѣли по Пятидесятницѣ, Владыка Экзархъ Грузіи совершилъ Божественную литургію въ кафедральномъ Сіонскомъ же соборѣ въ сослуженіи преосвященнаго Александра, высшаго духовенства и соборнаго и послѣ оной молебствіе съ прочтеніемъ колѣнипреклонной молитвы объ избавленіи отъ смертоносной заразы и съ крестнымъ ходомъ вокругъ собора опять въ томъ же порядкѣ, въ какомъ оный былъ совершенъ 29-го прошлаго іюня. На литургіи и молебствіи присутствовали Г. Главнначальствующій на Кавказѣ С. А. Шереметевъ, его помощникъ, Графъ И. Д. Татищевъ, чины военные и гражданскіе и множество молящихся. По окончаніи молебствія провозглашено было, по случаю тезоименитства въ этотъ день Великаго Князя Сергія Александровича, многолѣтіе Ихъ Величествамъ — Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ, Наслѣднику Цесаревичу, Великому Князю Сергію Александровичу и Всему Царствующему Дому.

Прочее духовенство г. Тифлиса и въ этотъ день совершило крестный ходъ по своимъ приходамъ.

Вообще необходимо замѣтить, что эти торжественныя шествія, устроенныя по благословенію Высокопреосвященнѣйшаго Владыки, Экзарха Грузіи, Палладія, послужили великимъ утѣшеніемъ для населенія г. Тифлиса, упадавшаго духомъ отъ появившейся въ Грузіи холерной эпидеміи. Чего не сдѣлали мѣстныя пригашенія, неоднократно обращавшіяся къ населенію съ успокоительными словами — не страшиться этого лютаго врага —, то сдѣлала молитва, усиленная совокупная всего града. Есть надежда, что Господь вскорѣ милостиво призритъ на насъ и не воздастъ намъ по дѣламъ нашимъ.

Разныя извѣстія и замѣтки.

Новые баракы для холерныхъ больныхъ возводятся, какъ извѣстно уже нашимъ читателямъ, съ разрѣшенія Его Высокопреосвященства, Экзарха Грузіи, Палладія, на пустопорожномъ участкѣ цевковой земли, находящемся недалеко отъ арбузной площади. Никто изъ частныхъ лицъ, не смотря на усиленные просьбы, не соглашался отвести землю подъ устройство бараконъ и вотъ въ эту-то минуту, когда сооруженіе бараконъ, за неимѣніемъ подходящаго участка земли, должно было пріостановиться, соблаговолилъ явиться на помощь нашъ просвѣщенный, высокоуманный пастырь, Высокопреосвященнѣйшій Экзархъ Грузіи. Снисходя къ нуждамъ населенія и вполне ясно сознавая всю пользу сооруженія новыхъ бараконъ, Его Высокопреосвященство, руководимый чисто отеческими побужденіями о населеніи безъ различія вѣроисповѣданій, соизволилъ разрѣшить, конечно безъ всякой платы, воздвигнуть эти баракы на церковной землѣ; не ограничиваясь этимъ, Его Высокопреосвященство въ настоящее тревожное время дѣлаетъ все, что только возможно для успокоенія народа, для пропаганды здравыхъ мыслей и идей, внушая и съ церковной кафедрѣ и путемъ частныхъ бесѣдъ истинныя покаянія о постигшемъ насъ несчастіи и преподавая населенію надлежащія правила жизни. Ни наша тропическая жара, ни слишкомъ многотрудныя обязанности, свыше возложенныя на Его Высокопреосвященство, не останавливаютъ его на пути сердечной заботливости о народонаселеніи. Учащенныя богослуженія, сопряженныя каждый разъ съ пріѣздомъ въ Тифлисъ изъ монастыря св. Антонія, крестные ходы съ личнымъ участіемъ Его Высокопреосвященства, частныя бесѣды и совѣщанія и всегда для всѣхъ отпертая дверь Его Высокопреосвященства—располагаютъ паству, не исполняютъ сердца ея уваженіемъ къ своему верховному духовному отцу и окружаютъ личность Его Высокопреосвященства всеобщей любовью («Тиф. Листокъ»).

Въ переживаемую нами годину общей невзгоды и опасности, должна ясна, чѣмъ когда либо, сознаваться естественная солидарность всѣхъ людей, тѣмъ болѣе жителей одного города, безъ различія состоянія, происхожденія и вѣроисповѣданія. Превосходный примѣръ этого подавъ недавно старшимъ святителемъ православной церкви въ нашемъ краѣ, Преосвященнымъ Палладіемъ, Экзархомъ Грузіи, который великодушно уступилъ безвозмездно состоящую въ его распоряженіи церковную землю подъ устройство холерныхъ бараконъ для иновѣрцевъ, магометанъ. Да послужитъ это намъ новымъ и яркимъ напоминаніемъ того, что истинное христіанство требуетъ любви ко всѣмъ людямъ, безразлично и что ближнимъ для насъ долженъ быть тотъ, кто нуждается въ нашей помощи («Кавказъ»).

Въ текущемъ году, открыта церковно-приходская школа въ Панкисскомъ ущельѣ на Кавказѣ. Ущелье это населено кистинами, шшавами, тушинами и остинами. Кистины выселены сюда изъ горъ сѣвернаго Кавказа русскимъ правительствомъ въ 40-хъ годахъ. Въ 1866 году болѣе двухъ третей кистиновъ приняли православіе, такъ что изъ нихъ образованъ былъ особый приходъ, причтъ

котораго сталъ получать содержаніе изъ суммъ Общества возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ. Въ настоящее время, панкисцы имѣютъ красивую и помѣстительную церковь, которая освящена въ 1887 году. Для воспитанія дѣтей этихъ недавнихъ христіанъ въ правилахъ вѣры и благочестія и для введенія грамотности въ темную среду прочихъ горцевъ, населяющихъ названное ущелье, совѣтъ Общества возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ постановилъ открыть при Панкисской приходской церкви школу и съ этою цѣлю командировалъ прошлымъ лѣтомъ инспектора училищъ для личныхъ переговоровъ съ жителями. Инспекторъ, побывавъ въ Панкиссахъ въ первыхъ числахъ августа и объяснивъ собравшимся жителямъ всю важность и необходимость грамотности для нихъ, отбывающихъ уже воинскую повинность, объявилъ, что если они возьмутъ на себя постройку школьнаго помѣщенія и обезпеченіе прислугою и топливомъ, то могутъ имѣть для воспитанія своихъ дѣтей школу, такъ какъ Общество возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ будетъ отъ себя отпускать ежегодно содержаніе учителю, обезпечивать учащихся всѣми необходимыми учебными принадлежностями и тщательно слѣдить за правильною постановкою и веденіемъ учебнаго дѣла въ школѣ. Предложеніе инспектора было охотно принято сходомъ и при немъ же былъ составленъ мірской приговоръ объ открытіи школы. Въ декабрѣ мѣсяцѣ панкисцы уже построили школьный домъ и просили назначить учителя. Инспекторъ, закупивъ всѣ необходимые учебники и учебныя принадлежности, самъ поѣхалъ освятить и открыть школу. Школьное помѣщеніе построено неподалеку отъ приходской церкви на открытой полянѣ и представляетъ весьма красивое зданіе о трехъ комнатахъ. Желавшихъ поступить въ школу оказалось около 40 мальчиковъ («День»).

Оговорка. Въ отдѣлѣ «Разныхъ извѣстій и замѣтокъ» № 13 помѣщенная редакціей рецензія Н. М. о книгѣ подъ заглавіемъ «О священной и правительственной власти и о формахъ устройства православной церкви» Н. Заозерскаго перепечатана изъ «Церковныхъ Вѣдомостей» № 21-й 1892 г.

Содержаніе 14-го номера. Официальная часть: Высочайшія повелѣнія. Высочайшія награды. Опредѣленія Святѣйшаго Синода. Приказъ Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода. Распоряженія епархіальнаго начавства. Разрядной списокъ учениковъ Владикавказскаго духовнаго училища, составленный послѣ испытаній, бывшихъ въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ 1892 г. Разрядной списокъ учениковъ Кутаисскаго духовнаго училища, составленный послѣ годичныхъ испытаній, бывшихъ въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ 1892 г. Неофициальная часть: Поученіе предъ совершеніемъ молебнаго пѣнія Господу Богу по случаю появленія холеры. Почему христіанская Православная церковь, въ противоположность Католической и Протестантской, въ своемъ богослуженіи не допускаетъ музыки, а ограничивается однимъ только пѣніемъ? По поводу возобновленія Курмухскаго храма. Основы врачебновѣдѣнія. Архіерейскія служенія. Разныя извѣстія и замѣтки.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи, Архимандритъ *Тихонъ*.

Печатать дозволяется. 14-го іюля 1892 г. Цензоръ, Протоіерей *В. Елевъ*.

Типографія *Е. Хеладзе*, Саперная ул., соб. домъ.